

— Федор Раззаков —

РАССТРЕЛЯННЫЕ ЗВЕЗДЫ

Их погасили на пике славы

Федор Ибатович Раззаков

Расстрелянные звезды. Их погасили на пике славы

текст предоставлен издательством "Эксмо"

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3028185

Федор Раззаков. Расстрелянные звезды. Их погасили на пике славы:

Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-55603-8

Аннотация

Их знают миллионы. Для многих они были и остаются кумирами. Им подражают. Их цитируют. Поют их песни. Копируют походку. Делают похожие прически. Пересматривают фильмы с их участием. Их имена на многие, многие годы останутся в сплетнях, слухах, воспоминаниях и, конечно, в памяти и сердцах людей. Они – «звезды», одаренные, отмеченные талантом и гениальностью публичные люди. Но объединяет их не только дар божий, не только всеобщая любовь, признание и слава. Все те, кому посвящена эта книга, ушли из жизни не по своей воле. Они были убиты. Со злым умыслом или без такового – но тем не менее от рук восхищавшихся ими людей, которые молились на кумиров, боготворили их, превозносили их. Такой вот жестокий парадокс...

Содержание

Отелло по-советски	4
В лапах дьявола	16
«Я умру в крещенские морозы...»	29
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Федор Раззаков

Расстрелянные звезды. Их погасили на пике славы

Отелло по-советски Инга Артамонова

В начале 60-х имя этой спортсменки знали не только в СССР, но и во всем мире. Инга Артамонова была четырежды чемпионкой мира по конькобежному спорту и могла бы достичь еще больших успехов, если бы не трагическая гибель в расцвете сил и таланта. Гибель, которая всколыхнула весь мир.

И. Артамонова родилась 29 августа 1936 года в Москве. Ее детство было не особенно радостным – девочке пришлось пережить и войну, и развод родителей, и тяжелую болезнь (врачи обнаружили у нее туберкулез). Однако несмотря на это, Инга росла девочкой очень активной и боевой. Их дом стоял рядом с домом № 26 на Петровке, во дворе которого был каток. По словам близких, буквально с раннего утра до позднего вечера Инга пропадала на этом катке с братом Владимиром. Увлечение спортом у нее было настолько сильным,

что вскоре ее отдали в секцию академической гребли, существовавшую на водном стадионе «Динамо». Там она прозямалась до окончания школы и добилась превосходных результатов: стала мастером спорта и двукратной чемпионкой страны среди девушек. Многие прочили ей прекрасное будущее и включение в сборную СССР. Однако в 1954 году Артамонова внезапно бросила академическую греблю и перешла в конькобежный спорт. Отметим, что далось ей это нелегко, так как ни один из тогдашних тренеров в этом виде спорта не хотел брать к себе 17-летнюю девушку-переростка.

В 1955 году Артамонова провела свой первый сезон в качестве конькобежца и многих огорчила – от нее привычно ждали побед, а она пропустила вперед даже явных аутсайдеров. Кое-кто из журналистов тут же поспешил записать ее в бесперспективные. Но Инга не была бы собой, если бы сразу смирилась с этим поражением. «Клянусь, что на следующий год я обыграю всех!» – сказала она тогда своему тренеру. И слово свое сдержала.

В сезоне 1956 года она стала чемпионом страны, оставив позади себя таких титулованных спортсменов, как Лидия Селихова (дважды чемпионка мира), Софья Кондакова и др. Ее тут же включили в сборную СССР и не ошиблись: она и на мировом первенстве вошла в число рекордсменов. А в 1957 и 1958 годах и вовсе стала чемпионом мира. В то время она была в полном расцвете своего таланта и сил и готовилась к новым победам. Однако на чемпионат мира в

1959 году ее не взяли. Почему?

Дело в том, что во время чемпионата мира в 1958 году Артамонова внезапно влюбилась... в шведского конькобежца Бенгдта. Естественно, что об этой связи тут же стало известно тем, кто по долгу службы обязан был присматривать за советскими спортсменами, выступающими за рубежом, – сотрудникам КГБ. Инге было сделано первое предупреждение, чтобы она и думать не могла о том, чтобы связать свою судьбу с иностранцем. Однако спортсменка этому совету не вняла. Когда через какое-то время от Бенгдта ей пришло предложение руки и сердца, она всерьез подумывала его принять. Но она плохо знала людей с Лубянки. «Если вы надумаете уезжать из страны, не забудьте, что здесь у вас останутся ваши родственники. Им будет несладко», – предупредили они ее. И Инга дрогнула. Предложение шведа она отвергла и осталась в СССР. Однако после этой истории доверия ей уже не было. Из сборной страны ее вывели, и она пропустила чемпионат мира в 1959 году (он, кстати, проводился в Швеции) и дважды – Олимпийские игры: в 1960 и 1964 годах.

Видимо, чтобы хоть как-то исправить положение, в котором она оказалась, Артамонова в 1959 году принимает решение выйти замуж за своего одноклубника по «Динамо» конькобежца Геннадия Воронина. Их близкое знакомство было предопределено тем, что они оказались соседями по двухкомнатной квартире, которая принадлежала обществу «Динамо». Оба в то время были неудачниками: Ингу выброси-

ли из сборной, Геннадий постоянно проигрывал своему сопернику по спринту Евгению Гришину (этого спортсмена не зря называли «человек-молния»). Почти каждый вечер они коротали время на общей кухне, плакались друг другу в жилетку и в конце концов решили... пожениться.

Семейная жизнь двух известных спортсменов начиналась вполне пристойно. Молодые прекрасно относились друг к другу и какое-то время жили дружно. Мир и спокойствие в семье позволили Артамоновой вновь стать победителем в спорте. В 1962 году она завоевала пять золотых медалей чемпионата СССР, установила четыре мировых рекорда за два дня. За весь тот сезон она не проиграла ни одного (!) старта и в конце концов завоевала золото на чемпионате мира. О ее успехах тогда писали все советские газеты. Впереди ее ожидало триумфальное возвращение в сборную СССР и выступление на Олимпийских играх в Инсбруке. Однако...

В те годы лучшими в конькобежном спорте среди женщин считались две спортсменки: москвичка Инга Артамонова и Лидия Скобликова из Челябинска. Обе прекрасно выступали как во внутренних соревнованиях, так и за рубежом. Однако последняя, в отличие от Артамоновой, обладала одним, но существенным достоинством: идеологически она была безупречна. Поэтому именно на нее и сделало ставку тогдашнее спортивное руководство. В результате Артамоновой были созданы такие условия, что она не смогла ровно пройти отборочные соревнования и в сборную не попала. В

Инсбрук отправилась Скобликова. И, надо отдать ей должное, выступила она там блестяще. Забег на 500 метров она преодолела за 45 секунд (мировой рекорд), на 1000 метров – за 1 минуту 32,2 секунды.

Свое невключение в сборную Артамонова переживала тяжело. Она понимала, что это была последняя Олимпиада, в которой она смогла бы участвовать и побороться за высшую награду. Эту депрессию она переживала одна, так как ее муж к тому времени стал для нее совершенно чужим человеком. От его бывшего внимания к ней и доброты не осталось и следа. Теперь он постоянно устраивал ей скандалы, а иногда и бил. Обстановка в семье еще больше накалилась, когда в их почтовый ящик чья-то услужливая рука стала регулярно подбрасывать анонимки, в которых рассказывалось о том, как Инга «изменяет» своему мужу. Кто писал эти пасквили, так и осталось невыясненным. Все это изматывало Артамонову так сильно, что порой ей не хотелось вообще возвращаться домой. Но терпеть неблагополучие в семье приходилось. Инга понимала, что развод может навсегда перечеркнуть ее спортивную карьеру.

Между тем на чемпионате мира в Финляндии в 1965 году Артамонова в очередной (четвертый) раз завоевала золотую медаль. Рассказывают, что за несколько дней до отъезда на мировое первенство Инга взяла в руки молоток и забила в стену гвоздь рядом с тремя лавровыми венками, которые она привезла с трех предыдущих чемпионатов. Так она бы-

ла уверена в своей очередной победе. И ведь действительно победила, пробежав всю дистанцию с улыбкой на устах! К сожалению, это был ее последний триумф. Спустя несколько месяцев ее убили. Как же это произошло?

В канун Нового, 1966 года Артамонова приняла окончательное решение расстаться с Ворониным. Она собрала вещи и ушла к матери. Однако муж не собирался так просто отпускать ее от себя. Какая-то, непонятная постороннему, обида терзала его душу. 4 января 1966 года Воронин пришел в дом своей тещи. Далее послушаем рассказ брата Инги – Владимира Артамонова:

«Все произошло на моих глазах.

Воронин пришел домой по обыкновению выпившим.

– Выйдем в другую комнату, поговорим, – бросил он жене.

Инга встала с дивана, и они оказались обращенными лицом друг к другу... Я сидел так, что видел лишь спину Воронина.

– Ну что тебе? Говори, – сказала она.

Вдруг я увидел, как туловище Воронина отклонилось в левую сторону и чуть назад, а правая рука сделала резкое движение в направлении груди Инги.

– Вот тебе!

Инга вскрикнула:

– Ой, мама, сердце!

Не отдавая себе отчета в происшедшем, я сорвался с места и сзади обхватил Воронина. Удерживая его, я взглянул на Ингу. Она схватилась руками за левую сторону груди, потом

правой рукой выдернула клинок (у ножа от сильного удара треснула рукоять и осталась в кулаке Воронина).

Инга сделала шаг к двери, мама – за ней, Воронин рванулся за ними, но я его удержал. Мы повалились на диван, потом на пол. Нельзя было допустить, чтобы он нагнал Ингу... Раз она побежала, значит, рана не так опасна, значит, будет жить...

Через несколько минут Воронин все же вырвался и зачем-то вышел на балкон (из уголовного дела я потом узнал, что незаметно для меня он подобрал с пола треснувшую деревянную ручку от ножа и бросил ее с балкона восьмого этажа в снег). Телефона у нас не было, и я бросился на улицу к автомату – вызывать милицию.

Как выяснилось позже, Инга вместе с мамой спустилась на два этажа, в квартиру, где жил врач. Инга легла на тахту, мама побежала к знакомым звонить в «Скорую». Тем временем у Инги заклокотало в груди, в горле послышался хрип, и она потеряла сознание... Ни врач, жившая в этой квартире, ни приехавшие на «Скорой» медики уже ничем не могли помочь...»

Уже буквально на следующий день после этого происшествия Москва наполнилась слухами о нем. Чего только люди не говорили о смерти чемпионки: что ее убил любовник, что она покончила с собой, что ее застрелил муж, уличивший ее в лесбийской любви, и т. д. Официальные власти откликнулись на это событие 6 января коротким некрологом

в газете «Советский спорт»: «Преждевременно и трагично оборвалась жизнь Инги Артамоновой... Выдающаяся советская спортсменка... замечательный человек, всю свою жизнь она посвятила развитию советского спорта... В жизни Инга совершила спортивный подвиг... Ей принадлежат многие рекорды мира... Инга завоевала своими замечательными человеческими качествами, выдающимися спортивными достижениями, теплым и товарищеским отношением к людям всеобщую любовь и признательность среди широких кругов спортивной общественности как в нашей стране, так и за ее пределами...»

Между тем главный виновник происшествия – Г. Воронин – был арестован милицией на следующий день после убийства. Началось следствие. Вот что вспоминает об этом В. Артамонов:

«Воронин врал безбожно. И что он не понимал, как это произошло; и что Инга сама пошла на нож; и что мать дернула Ингу за руку и Инга наткнулась на острие. Придумал даже такую трогательную деталь: будто бы он взял лежавшую на диване куклу и произнес: «Вот, Инга, нам бы с тобой такого пупсика...»

Следователь почему-то не поставил преграду лжи Воронина, позволив тому ссылаться на прошлое жены. Больше, чем тяжелые условия семейной жизни, в результате чего она и хотела развестись, его интересовало, договорились ли супруги о разводе накануне Нового года и «законно» ли ре-

шила Инга встречать Новый год без мужа. На самом же деле, опасаясь угроз убить ее, если захочет развестись, она и назвала ему другое место встречи (угрозы убить при их ссорах не раз слышал и я сам, мама, наш отчим). С нашими возражениями следствие, однако, считаться не пожелало. Как, впрочем, и с заявлениями прославленных конькобежцев о характере Воронина. «Могу охарактеризовать его коварным человеком, действующим продуманно, исподтишка» (Борис Шилков). «Геннадий избивал ее, мы часто видели Ингу с синяками. Хорошего о нем ничего не могу сказать» (Борис Стенин). «Было известно, Геннадий издевается над ней, бьет, он часто выпивал. Я никогда не слышала, чтобы она давала какой-либо повод для ревности» (Тамара Рылова). «Я часто видел ее с синяками на лице. Он пил и жил за ее счет» (Константин Кудрявцев, тренер сборной СССР).

Как стало известно в ходе расследования, не Инга изменяла мужу, а он – ей, в чем и сам позднее признался. Призналась и одна из его любовниц, оказавшаяся «подругой» Инги, – вот какие «чудеса» бывают! Уж не она ли и подбрасывала анонимки?

Читая между строк «дела», можно увидеть, что следователь сочувствует убийце (Инга больше зарабатывала, и это, видите ли, расстраивало мужа) и таким образом спасает его от 102-й статьи – возможного расстрела. Назначенная потом 103-я послужила, думаю, хорошей зацепкой для дальнейшего снижения наказания убийце. Через месяц-полтора реше-

нием Верховного суда РСФСР ему отменили пребывание в тюрьме, а уже в 1968 году и вовсе освободили из-под стражи!!! Следующие три года убийца находился в свободном режиме, работая на «стройках народного хозяйства».

Упор был сделан на ревность – в показаниях Воронина, его родственников и друзей, в концепции всего следствия. Одновременно – очернение Инги. Следователь умудрился принизить вклад Инги в спорт, и это принижение вошло в обвинительное заключение. При этом усилили достижения Воронина, названного призером Олимпийских игр, которым тот никогда не был. В решение Верховного суда РСФСР проникло даже, что мы с мамой, оказывается, вовсе не видели, как Воронин нанес удар ножом!

Поразила «находчивость» самого убийцы: он стал выдвигать идею измены Родине со стороны Инги: дескать, до замужества имела отношения с иностранцем, хотела выехать из Союза... А себя показывал «патриотом», создавая впечатление, что, хоть и убил, верно все же понимает политику партии и государства. Вообще нетрудно заметить определенную «режиссуру», и довольно умело проведенную, хотя и не совсем тонко. Вот почему я не исключаю того, что Воронин был всего лишь киллером, как мы сегодня называем наемных убийц. Не потому ли его и выпустили так быстро? И не потому ли ему было позволено лгать в своих следственных показаниях, что уже заранее все было расписано в чьем-то жутком сценарии, начиная от интриг и кончая освобожде-

нием убийцы? Вопрос, кто направлял это грязное дело, от кого оно шло. От самого «верха», от спортивного руководства, завистников, соперниц? А что, если в одну точку сошлись намерения сразу всех недоброжелателей?! Возможно, каждый поначалу хотел лишь поинтриговать, попортить нервы спортсменке, подорвать репутацию, ухудшить спортивную подготовленность, внести раздор в семейную жизнь... А произошла трагедия».

С тех пор прошло более 30 лет. И. Артамонова похоронена на Ваганьковском кладбище, на том же участке, где позже будут похоронены Сергей Столяров (1969), Владимир Высоцкий (1980), Владислав Листьев (1995).

А что же стало с Г. Ворониным? Вот что пишет о нем А. Юсин: «Воронин отсидел, спился, но жив. Мне рассказывала олимпийская чемпионка Людмила Титова, как-то по конькобежным делам побывавшая в Дзержинске Нижегородской области, что Воронин подошел к ней: «Ты чего не здороваешься?» – «Я с незнакомыми людьми не здороваюсь». – «Но я же Воронин». – «А с такими нелюдями тем более». После этих слов он отошел.

Вице-чемпион Европы Юрий Юмашев встретил его позднее: «Воронин – маленький лысый старичок – подошел ко мне со стаканом: «Давай выпьем за все хорошее...» Подумал: не жилец он уже, жалкий, опустившийся... А ведь кого убил!»

P.S. Достижение И. Артамоновой, ставшей четыре раза

чемпионкой мира, не побито ни одной российской конькобежкой до сих пор. Хотя со дня ее гибели прошел 31 год.

В лапах дьявола

Шэрон Тэйт

Несмотря на всю трагичность истории с Ингой Артамоновой, ее гибель не шла ни в какое сравнение с тем, что произошло в тех же 60-х в далекой Америке. Там была убита молодая голливудская дива Шэрон Тэйт, которая была к тому же еще и беременна. Это убийство наглядно продемонстрировало, что Америка может дать фору всему миру по части всевозможных зверств, в том числе и ее собственных кумиров.

Отметим, что знаменитая «фабрика грез» Голливуд всегда была ареной всевозможных скандалов, как любовных, так и криминальных. Последние случались реже, но резонанс от них был гораздо значительнее.

Так, в 1921 году знаменитый комик Роско Арбакл по прозвищу Толстяк отмечал в отеле «Сан-Фрэнсис» в Сан-Франциско свой новый контракт на миллион долларов. Размах празднования был поистине огромен, и продолжались гуляния без малого три дня. В конце концов сам виновник торжества упился настолько, что схватил 25-летнюю Вирджинию Рапп, уволок ее в свою спальню и там зверски изнасиловал... с помощью пустой бутылки из-под вина. В результате несчастная пять дней пролежала в коме и в конце кон-

цов умерла. На состоявшемся суде около сорока свидетелей описали, как пьяный Арбакл насильно тащил Вирджинию в спальню, однако суд оправдал актера-убийцу. В 1932 году Роско Арбакл умер от алкоголизма.

4 апреля 1958 года 14-летняя дочь знаменитой киноактрисы Ланы Тернер (в разное время она была любовницей Фрэнка Синатры, Шона Коннери), спасаясь от домогательств очередного любовника матери, гангстера Джонни Стромпанато, ударила его ножом в грудь и убила на месте. Девушку поместили в одну из психиатрических клиник, где она провела восемь лет. А ее мать, как это ни странно, на волне этого скандала стала еще более популярна, и ее гонорары перевалили за миллион долларов.

Правда, все эти истории не шли ни в какое сравнение с тем, что произошло в Беверли-Хиллз в августе 1969 года. Жертвами этого преступления стали сразу пять человек, среди которых оказалась и молодая звезда американского кино, жена знаменитого голливудского режиссера польского происхождения Романа Поланского 26-летняя Шэрон Тэйт.

Роман Поланский родился в Париже, затем его родители переехали в Польшу, где и осели окончательно. В 50-х годах Поланский окончил киношколу в Лодзи и стал профессиональным кинорежиссером. В конце 1962 года он снял по сценарию Анджея Вайды фильм «Нож в воде», имевший колоссальный успех в Европе. Поланский решает покинуть Польшу и уезжает в Лондон. Как он сам позднее объяснит, «меня

всегда считали космополитом, человеком без корней, я был немного французом для поляков и поляком для Запада».

В 1966 году Поланский приехал в Лос-Анджелес в поисках актеров для своего нового фильма «Бал вампиров». На квартире друзей он познакомился с 23-летней восходящей звездой Голливуда Шэрон Тэйт, о которой один из голливудских кинокритиков как-то заявил: «Шэрон прошла все дантовские круги Голливуда. Она познала наркотики, познала неписаный закон, по которому за каждую ступеньку успеха начинающая актриса в Голливуде расплачивается своим телом».

Встреча в Лос-Анджелесе предопределила судьбу обоих: после съемок в «Бале вампиров» (оба они сыграли главные роли) Поланский и Тэйт поженились. Первое время они жили в Лондоне, где в 1967 году Поланский приступил к съемкам очередного фильма ужасов – на этот раз он решил экранизировать роман Айры Левина «Ребенок Розмари». Сюжет был необычен: в некий дом приезжает семья молодоженов, и в рождественскую ночь, когда муж спит, его жену насилует сам Сатана. Так в ее утробе поселяется сын Антихриста, который в конце фильма благополучно появляется на свет.

В новом фильме роли для Шэрон не нашлось. Однако она не сильно огорчилась, удовлетворившись ролью очаровательной вампирши в предыдущем фильме мужа. К тому же в конце 1968 года Тэйт забеременела и уехала в Лос-Анджелес на шикарную виллу «Белл Эйр» в Беверли-Хиллз. Рядом

с этой виллой, в местечке Спан, содержал свою «коммуну» 35-летний Чарльз Мэнсон.

Он родился 11 ноября 1934 года в городе Цинциннати у незамужней 16-летней Кэтлин Меддок. С 13 лет занимается проституцией, она однажды забеременела от случайного клиента по прозвищу Полковник Скотт. Сделав свое дело, он тут же испарился в неизвестном направлении, оставив 16-летней девушке все заботы о будущем ребенке. Но Кэтти повезло: незадолго до рождения сына она встретила некоего Мэнсона, и тот согласился на ней жениться. Таким образом, родившийся вскоре мальчик получил имя Чарльз и фамилию Мэнсон.

Между тем молодые родители были явно обременены его появлением на свет, и вскоре Кэтти отдала сына на воспитание собственной бабке, в Западную Вирджинию. К сожалению, старушка оказалась не самым лучшим воспитателем, и уже в 8 лет Чарльз Мэнсон попался на мелкой краже продуктов, а в 16 лет угодил в тюрьму для подростков «Байз Таун» в штате Небраска после того, как угнал автомобиль. Затем его отправили в реформаторий для мальчиков в Плейнфилдс, штат Индиана, откуда он совершил 18 побегов. Правда, каждый раз его ловили и водворяли на место. В 1951–1954 годах он побывал в нескольких федеральных реформаториях, пока в ноябре 1954 года его не освободили досрочно. Обретя свободу, Мэнсон организовал свою собственную «коммуну», или «семью», в которую принимал молодых людей

(в основном девушек), исповедовавших его «религию». Основной идеей было бесприкословное подчинение Мэнсону, провозгласившему себя Христом и Сатаной одновременно, Мессией грядущего апокалипсиса. Причем Мэнсон провозглашал себя не всепрощающим Иисусом, а Иисусом карающим.

Его «семья» состояла из 12 девушек и двух-трех парней. Мэнсон не любил представителей собственного пола, считал их эгоистами, неспособными побороть гордыню и «раствориться» в боге, то есть в Мэнсоне. А вот молодые девушки на эту роль подходили идеально. Не случайно в одном из гимнов «семьи», сочиненных Мэнсоном, были такие строки:

Милашка, прекращай существовать,
Приди и скажи, что ты меня любишь.
Бросай свой мир, я – то, что тебе нужно.
Подчинение – это дар, дай его брату своему...

Подчинение Мэнсону было полным и беспрекословным. Каждая из них должна была выполнять все его и других коммунаров-мужчин сексуальные прихоти, и эти совместные оргии продолжались порой несколько часов в день. Кроме этого, Мэнсон иногда «одадживал» своих девушек членам других «семей» или группировок, в поддержке которых он нуждался. При этом ни одна из девушек не могла не выполнять волю своего господина. Как писал известный американский криминолог В. Фокс: «Группу Мэнсона характеризова-

ли сплоченность и безоговорочное подчинение лидеру. Эта сплоченная группа действовала как единый организм. Каждым членом этой группы двигало стремление к удовлетворению своих эмоциональных потребностей. Именно благодаря подкрепляющему воздействию группы людей ведут себя так, как никогда бы не вели себя в одиночку».

В те годы на Западе только зарождалось движение хиппи, и «семья» Мэнсона, в сущности, была одним из первых его проявлений. «Семья» жила в старом автобусе, здесь они ели, пили, занимались любовью, рожали детей, справляли все праздники и т. д. Их повседневной едой были объедки, добываемые на мусорных свалках. Сам Мэнсон говорил так: «Куда же деваются отбросы вашего общества? Их подбираем мы. Поэтому я – один из ваших отбросов. Я из тех, кого вы называете «хиппи». Я не думал о том, что такое быть хиппи. В общем, хиппи – значит хороший человек. Он подарит вам рубашку и цветы, улыбнется и пойдет дальше по дороге. Но не говорите с ним. Он не будет никого слушать. У него свои мысли. Он нашел себя».

Надо отметить, 60-е годы явились для Западного и Соединенных Штатов Америки поистине бунтарскими. Общество сотрясали расовые бунты, антивоенные и антигосударственные демонстрации, везде царил культ наркотиков, свободной любви, восточной мистики и оккультизма. Появление того, кто провозгласил себя Сатаной, стало закономерным результатом увлечения «играми в дьявола». Так, лидер груп-

пы «Роллинг стоунз» Мик Джаггер в 1968 году написал песню «Симпатия к дьяволу», которая звучала как приглашение присоединиться к дьявольским игрищам типа войн и бунтов.

Именно в это время, в 1968 году, на экраны США вышла картина, которую официально нарекли «предвестницей нового возрождения темы сатанизма в кино». Это был фильм все того же Романа Поланского «Ребенок Розмари».

В эту компанию «сатанистов» вольно или невольно попали даже легендарные «Битлз». 25 ноября 1968 года в США вышла их долгоиграющая пластинка «Белый альбом», где звучала песня «Хелтер Склете» («Тарарам»).

Посмотри, какой кругом тарарам...

Он с каждым днем все сильней.

Да, сильней!

Да, сильней!

В этой песне Чарльз Мэнсон услышал закодированный призыв к убийствам, о чем он позднее и заявил на суде.

Мэнсон увлекся «игрой в дьявола» так сильно, что не заметил, как игра перешла в реальность. Символом его неограниченной власти в «семье» был охотничий нож, и Мэнсон часто провозглашал, что «каждый боится быть зарезанным». «Но если ты можешь принять смерть, значит, ты можешь и убить», – учил Мэнсон «коммунаров». Как заметил один из тех, кто близко знал Мэнсона: «Можно было ясно видеть, как в нем борются бог и дьявол. И дьявол, кажется, победил».

На календаре стояло лето 1969 года.

В начале августа близкий друг Мэнсона, некий недоучившийся актер Бобби Бесолель по прозвищу Люцифер пообещал своим знакомым-хиппи достать для них несколько упаковок наркотика мескалина. Те вручили ему ни много ни мало тысячу долларов, и с этими деньгами Бесолель отправился к Гари Хинману. Сделка состоялась, и Бесолель вернулся назад. Однако случилось непредвиденное. Распечатав коробки, заказчики обнаружили, что в них находится не мескалин, а нечто другое. А деньги давались под определенный товар, и теперь Бесолель должен был объясниться. «Ребята, я все улажу», – заявил он недовольным клиентам и, прихватив «коммунарок» Мэри Бруннер и Сюзан Аткинс, отправился к Хинману.

Повторная встреча продавца и покупателя была уже иной. Бесолель потребовал или вернуть деньги, или вручить настоящий товар – мескалин.

Хинман попытался решить дело кулаками, но Бесолель, выхватив пистолет, выстрелил Хинману в грудь. Тот рухнул.

И хотя он стрелял почти в упор, убить хозяина дома с первого выстрела Бесолель не сумел. А может быть, он этого и не хотел, надеясь, что тот скажет, где хранятся наркотики. Позже они обыскали дом, но мескалина не нашли.

– Где товар? – тряс Бесолель раненого Хинмана, но тот только стонал.

Одна из девушек стала с остервенением бить его ножом

по ноге, однако и это не помогло.

Тогда Бесолель извлек охотничий нож и вонзил его в грудь Хинмана. Затем он обмакнул в кровь убитого четыре пальца на правой руке и, сложив их «кошачьей лапкой», оставил отпечаток на стене.

– Пусть думают, что это сделали «Черные пантеры», – объяснил он спутницам.

«Черные пантеры» возникли в США осенью 1966 года как средство самообороны черных жителей Америки от белых экстремистов. Однако постепенно часть участников этой организации встала на путь насилия и террора, и в 1969 году американская полиция и ФБР устроили настоящую охоту за «пантерами». Так что ссылка Бесолея на «пантер» преследовала вполне определенные цели.

И все же убийцы допустили непростительный просчет. У Хинмана было два автомобиля, и оба стали добычей Бесолея и его спутниц. 6 августа 1969 года в одном из этих автомобилей полиция и арестовала Бесолея.

Как только Чарльз Мэнсон узнал об аресте друга, он поклялся любой ценой выручить его из беды. В его голове созрела идея совершить убийство, схожее с расправой над Хинманом. Мэнсон вспомнил, что в «Бэлл Эйр» живет парень, которому он однажды показал свои песни и попросил посодействовать в их записи. Но парень назвал Мэнсона бездарностью. Мэнсон этого не простил. И хотя он слышал, что парень вроде давно уехал из «Белл Эйр», а в его доме живут

другие люди, Мэнсон принял решение. Вместе с ним «на дело» поехали Текс Уотсон, Патриция Кревинкель и та самая Сюзан Аткинс, которая присутствовала при убийстве Гари Хинмана.

В тот роковой вечер, в пятницу 8 августа 1969 года, на вилле Шэрон Тэйт (она была на 8-м месяце беременности) собрались гости: наследница кофейного промышленника-миллионера Абигэйд Фолджер, ее любовник и старый приятель Р. Поланского Войцех Фриковски и парикмахер Шэрон Джей Себринг. Сам хозяин дома, Р. Поланский, все еще находился в Лондоне, откуда каждый день звонил жене. Накануне рокового дня Поланский сообщил, что прилетит днем 9 августа. Это был их последний разговор.

Поздно ночью к дому Шэрон Тэйт подошли Мэнсон и его подопечные. У ворот стоял автомобиль, в котором находился 18-летний Стивен Пэрент, гомосексуалист и любовник местного сторожа. Он не успел даже вскрикнуть, как один из убийц выхватил пистолет и всадил в него пять пуль. Его смерть была мгновенной. На звуки выстрелов из дома выбежали Войцех Фриковски и Абигейд Фолджер, которая была в ночной рубашке. Они успели сделать всего несколько шагов, как перед ними выросли убийцы. Сначала они несколько раз ударили Фриковски ножом, а затем разрядили в него пистолет. То же самое сделали и с Фолджер. Оставшиеся в доме Шэрон Тэйт и Джей Себринг были потрясены, даже не попытались оказать хоть какое-то сопротивление. Преступ-

ники, вкусив крови, не реагировали на мольбы беременной женщины. По приказу Мэнсона Шэрон Тэйт заломили руки за спину и, связав их поясом от халата, подвесили несчастную к люстре. Себринг попытался было вступиться, но один из преступников выстрелил ему в голову из пистолета, а его напарницы тут же вонзили в тело ножи.

Больше всего мучений выпало на долю голливудской звезды: убийцы отрезали ей груди, методично наносили ей удары в живот, позже эксперты насчитают шестнадцать таких ударов. Когда жертва затихла, преступники ее кровью написали на стене «свиньи» и «тарарам».

Утром 9 августа к дому Шэрон подошла горничная Уинифред Чэпмэн. То, что она увидела, заставило ее с дикими воплями броситься прочь. Сержант криминальной полиции, побывавший на месте трагедии, позднее заявил: «За всю свою жизнь я не видел более ужасного зрелища. Меня чуть не вывернуло наизнанку».

Чудовищная расправа в Беверли-Хиллз заставила содрогнуться всю Америку. Общественность требовала скорейшей поимки убийц, однако полиция не смогла задержать их по горячим следам. И это стоило жизни еще двум людям.

Увидев реакцию общества, Мэнсон решил закрепить успех. 11 августа он, Уотсон, Аткинс и Лесли Ван Хаутен сели в машину и отправились на окраину Лос-Анджелеса, где обитал давний недоброжелатель Мэнсона. В тот вечер его не оказалось дома, и тогда Мэнсон приказал своим людям во-

рваться в соседний дом бакалейщика Лино Ла Бьянка и его жены Розмари. Оба они приняли мученическую смерть. Хозяину дома убийцы выцарапали на теле слово «война», а кровью на стене начертали: «тарарам», «восстание» и «смерть свиньям».

Когда убийцы вышли на улицу, они, к своему изумлению, не увидели автомобиля с Мэнсоном. Как оказалось, ему стало скучно и он уехал в свою вотчину, заставив таким образом своих подопечных добираться обратно пешком, что они безропотно и сделали.

Охота за безжалостными убийцами длилась несколько месяцев. В январе 1971 года состоялся суд над Чарльзом Мэнсоном и его учениками. Даже за полтора года, что прошло со дня кровавого злодеяния, Америка не смогла забыть тот кошмар.

На состоявшемся процессе никто так и не услышал слов раскаяния ни от одного из убийц. Текс Уотсон цинично заявил: «Для меня та ночь была самым забавным приключением», а Сюзан Аткинс добавила: «Когда я первый раз ткнула Тэйт ножом, это было очень приятное ощущение». Прокурор Бульози потребовал самой суровой кары, что суд и сделал: 25 января Мэнсон, хотя сам он никого не убивал, был приговорен к смертной казни, остальные – к пожизненному заключению. Однако вскоре в штате Калифорния смертная казнь была отменена, и Мэнсон стал пожизненным заключенным.

Со дня этого преступления прошло уже 27 лет, но американцы о нем не забывают. Во многом этому способствует и сам Чарльз Мэнсон, который даже из-за тюремной решетки продолжает «учить» молодых. За время пребывания в тюрьме он дал тысячи интервью различным изданиям, написал несколько книг, выпустил серию пластинок со своими песнями. О нем снято несколько фильмов (первым был фильм Л. Мэррика и Р. Хендриксона «Мэнсон», вышедший в 1972 году), его песни исполняют такие известные на Западе ансамбли, как «Нирвана» и «Ганз Энд Роузес». Более чем странно выглядит притягательная сила этого человека, который однажды заявил: «Если вдруг я выйду на свободу, я устрою такое, что убийство Шэрон Тэйт покажется вам детской игрушкой».

«Я умру в крещенские морозы...»

Николай Рубцов

Н. Рубцов родился 3 января 1936 года в городе Емецке Архангельской области в простой семье. Его отец, Михаил Андрианович, работал начальником ОРСа местного леспромхоза. Мать, Александра Михайловна, была домохозяйкой. В семье Рубцовых было пятеро детей: три дочери и два сына. На момент рождения Николай был пятым, самым младшим ребенком в семье (чуть позже родится еще один мальчик – Борис).

Перед самым началом войны семья Рубцовых переехала в Вологду, где отец будущего поэта получил высокую должность в местном горкоме партии. Проработал он там чуть больше года, после чего в июне 1942 года его призвали на фронт. Дело, в общем, для военного времени обычное, однако незадолго до отправки Рубцова-старшего в его семье случилась беда: умерла жена. Так как оставить четверых детей без взрослой опеки (к тому времени дочери Рая и Надежда умерли после болезни) отец никак не мог, он вызвал к себе свою сестру Софью Андриановну. Та приехала в Вологду, однако взять всех детей отказалась. Поэтому с ней уехала лишь старшая из дочерей – Галина, а младшие были разбросаны кто куда. Альберт был отдан в ФЗУ, а Николай

и Борис отправились в Красковский дошкольный детдом.

Что такое детский дом, да еще в голодное военное время, читателю, думаю, объяснять не надо. Пятьдесят граммов хлеба да тарелка бульона – вот и весь тогдашний рацион детдомовцев. Иногда детишки ухитрялись воровать на воле турнепс и пекли его на кострах. И хотя всем обитателям детдома жилось несладко, однако Коле Рубцову особенно. Совсем недавно у него были любящая мать, отец, несколько братьев и сестер, и вдруг – полное одиночество. Особенно оно обострилось после того, как часть детдомовцев, в том числе и его брата Бориса, оставили в Краскове, а Николая вместе с другими отправили в Тотьму. Так оборвалась последняя ниточка, связывавшая мальчика с родными. Единственным лучиком света тогда для 7-летнего Коли была надежда на то, что с фронта вернется отец и заберет его обратно домой. Но и этой мечте мальчика не суждено было сбыться. Его отец оказался подлецом: он женился во второй раз, и вскоре у него появились новые дети. Про «старых» он забыл.

Между тем среди детдомовцев Рубцов считался одним из лучших учеников. И хотя учили их намного хуже, чем в средних школах (на четыре предмета был один учитель), однако дети и этому были рады. И третий класс Коля окончил с похвальной грамотой. Тогда же он написал и свое первое стихотворение.

Что касается характера мальчика, то, по воспоминаниям его товарищей по детдому, он был среди них самым ласко-

вым и ранимым. При малейшей обиде он отходил в сторону и горько плакал. И кличку он тогда носил довольно мягкую для пацана – Любимчик.

В июне 1950 года Рубцов окончил семилетку и, едва получив диплом, покинул стены ставшего ему родным детдома. Его путь лежал в Ригу, в мореходное училище, о поступлении в которое он мечтал все последние годы своего пребывания в детском доме. Он был преисполнен самых радужных надежд и ожиданий.

К сожалению, его мечте так и не суждено было сбыться. В мореходку брали с 15 лет, а Николаю было четырнадцать с половиной. Поэтому он вернулся обратно в Тотьму и там поступил в лесной техникум.

И все же его мечта о море сбылась в 1952 году. Окончив техникум и получив на руки паспорт, Рубцов отправился в Архангельск, где вскоре устроился помощником кочегара на тральщик «Архангельск» – «старую калошу», которая уже проплавала 34 года. Вся ее команда состояла из прожженных бичей, призвать к порядку которых было не очень просто. В море они работали как черти, однако на берегу только и делали, что шлялись по бабам да кабакам. Николай проработал на судне почти год, после чего подал заявление на уход. Он решил продолжить учебу. Приехал в город Киров и поступил в горный техникум. Но и в нем продержался всего лишь год. В 1954 году бросил его и отправился скитаться. Будучи в Ташкенте, впервые вывел невеселую для себя мысль о том,

что находится на «земле, не для всех родной».

В марте 1955 года Рубцов возвращается в родные для него края, в Вологду, и впервые пытается найти своего отца. До этого во всех своих анкетах он неизменно писал: «Отец погиб на фронте». Это объяснялось не его неведением относительно судьбы родителя, просто не мог ему простить его предательства, что не забрал его из детдома. Но на этот раз Николай пересилил себя и первым попытался установить с ним контакт.

Встреча так и не растопила холода, который возник между отцом и сыном за эти годы. У Михаила Андриановича была молодая жена и маленькие дети. Он занимал солидный пост в местном ОРСе и жил в отдельной квартире. Появление сына, которого он уже успел забыть (ведь бросил его в 6-летнем возрасте), его явно не устраивало. Николай это понял сразу, как только они встретились. Поэтому в доме отца он не задержался и принял предложение своего брата Альберта устроиться работать к нему на полигон в поселок Приютино под Ленинградом.

К тому времени Альберт был уже женат и жил с женой в отдельной комнате в бывшем господском доме. А Николая он устроил в местное общежитие. Именно в Приютине к Николаю впервые пришла любовь. Девушку звали Таисия. Рубцову она очень нравилась, а вот он ей не очень. Однако его ухаживаний она не отвергала, и вечерами они подолгу гуляли по поселку. Но длилось это недолго: в конце 55-го Руб-

цова призвали в армию. Таисия его, как положено, проводила, а затем вышла замуж за другого. Обычная, в общем-то, история.

В армии Рубцов служил на Северном флоте: был визирщиком на эскадренном миноносце. Служба давалась ему легко, чему, видимо, немало способствовало детдомовское прошлое. Трудностей он не боялся. Уже через год стал отличником боевой и политической подготовки и даже был удостоен права посещать занятия литературного объединения при газете «На страже Заполярья». Его стихи стали все чаще появляться в этом армейском органе печати. Правда, это были откровенно слабые стихи.

В октябре 1959 года Рубцов демобилизовался и приехал в Ленинград, где устроился рабочим на Кировский завод. Там впервые стал получать хорошую зарплату – 700 рублей. Для неженатого человека это были приличные деньги. Как писал сам поэт в одном из писем той поры: «С получки особенно хорошо: хожу в театры и в кино, жру пирожное и мороженое и шляюсь по городу, отнюдь не качаясь от голода».

Однако чуть ниже: «Живется как-то одиноко, без волнения, без особых радостей, без особого горя. Старею понемножку, так и не решив, для чего же живу».

В 1960 году Рубцов решает продолжить учебу без отрыва от производства и поступает в девятый класс школы рабочей молодежи. Одновременно с этим он активно посещает занятия литературного объединения «Нарвская застава» и лите-

ратурный кружок при многотиражке «Кировец». Пишет он тогда много. Причем отмечу парадоксальную вещь: многие его серьезные произведения (которые позднее станут знаменитыми) его коллеги по литобъединению решительно бракуют. Зато те, что написаны с юмором, иронией, получают самую высокую оценку. Вот, например, одно из таких стихотворений под названием «Жалобы алкоголика», датированное 1962 годом. Приведу отрывок из него:

Ах, что я делаю, зачем я мучаю
Больной и маленький свой организм?
Ах, по какому же такому случаю?
Ведь люди борются за коммунизм...
Скот размножается, пшеница мелется,
И все на правильном таком пути...
Так замети меня, метель-метелица,
Ох, замети меня, ох, замети!..

Стоит отметить, что тот год был отмечен в судьбе Николая сразу несколькими приятными событиями. Во-первых, тогда вышла его первая книжка под названием «Волны и скалы» (5 тысяч экземпляров). Во-вторых, на одной из вечеринок он познакомился с Генриеттой Меньшиковой, которая в апреле 1963 года родит ему дочь Лену. И наконец, в-третьих, он успешно сдал экзамены в Литературный институт в Москве. Но не только радости случались в тот год. 29 сентября от рака умер его отец.

В Москве Рубцов поселился в общежитии Литинститута и довольно скоро стал известен в среде молодых столичных поэтов. Написанные им стихи – «Осенняя песня», «Видения на холме», «Добрый Филя» – вскоре были опубликованы в журнале «Октябрь» и стали очень популярны у читателей. Хотя в стенах самого института отношение к молодому поэту было далеко не однозначным. Одни считали его бездарностью, другие говорили, что он «поэт средних возможностей», и только немногие видели в нем надежду русской поэзии.

Вот что вспоминает о нем его сокурсник Б. Шишаев:

«Когда на душе у него было смутно, он молчал. Иногда ложился на кровать и долго смотрел в потолок... Я не спрашивал его ни о чем. Можно было и без расспросов понять, что жизнь складывается у него нелегко. Меня всегда преследовало впечатление, что приехал Рубцов откуда-то из неуютных мест своего одиночества. И в общежитии Литинститута, где его неотступно окружала толпа, он все равно казался одиноким и бесконечно далеким от стремлений людей, находящихся рядом. Даже его скромная одежда, шарф, перекинутый через плечо, как бы подчеркивали это.

Женщины, как мне кажется, не понимали Николая. Они пели ему дифирамбы, с ласковой жалостью крутились вокруг, но когда он тянулся к ним всей душой, они пугались и отталкивали его. Во всяком случае, те, которых я видел рядом с ним. Николай злился на это непонимание и терял

равновесие».

По мнению людей, близко знавших поэта, он был очень мнительным человеком. Рубцов знал очень много всяких рассказов про нечистую силу и порой темными ночами рассказывал их друзьям на сон грядущий. А однажды он решил погадать на свою судьбу необычным способом. Николай принес в общежитие пачку черной копирки и стал вырезать из листов самолетики. Затем он открыл окно и сказал товарищу: «Каждый самолет – судьба. Как полетит, так и сложится. Вот судьба... (и он назвал имя одного из своих друзей-студентов)». Самолетик вылетел из окна и, плавно пролетев несколько десятков метров, приземлился на снежной аллее под окном. То же самое произошло и с другим самолетиком. «А это – моя судьба», – сказал Николай и пустил в небо третий самолет. И едва он взмыл в воздух, как тут же поднялся порыв ветра, легкую конструкцию подняло вверх, затем резко швырнуло вниз. Увидев это, Рубцов захлопнул окно и больше самолетиков не пускал. Почти целую неделю после этого он ходил подавленный.

Учеба Рубцова в Литинституте продолжалась до декабря 1963 года. После чего его выгнали. 3 декабря он заявился в пьяном виде в Центральный дом литераторов и устроил в нем драку. И уже на следующий день после этого ректор подписал приказ о его отчислении. Почему же с ним поступили так строго, а не стали ставить на вид или лишать стипендии? Все дело в том, что за время своего обучения поэт уже

столько раз попадал в различные пьяные истории, что случай в Доме литераторов переполнил чашу терпения руководства института. Вот и не стали с ним церемониться.

Между тем свидетели происшествия в ЦДЛ затем рассказывали, как на самом деле возникла та «драка». В тот вечер на сцене Дома выступал некий оратор, который рассказывал слушателям о советской поэзии. В конце своего выступления он стал перечислять фамилии известных поэтов, но не упомянул Сергея Есенина. Это и возмутило Рубцова. Он стал кричать: «А Есенин где?», за что тут же был схвачен за шиворот рьяным метрдотелем. Николай стал вырываться, что впоследствии и было расценено как драка.

К счастью, правда об этом происшествии вскоре дошла до ректора Литинститута И. Н. Серегина – и он в конце декабря издал новый приказ, в котором говорилось: «В связи с выявленными на товарищеском суде смягчающими вину обстоятельствами и учитывая раскаяние тов. Рубцова Н. М., восстановить его в числе студентов 2-го курса...»

Справедливость была восстановлена. Правда, ненадолго. Уже через полгода после этого – в конце июня 1964 года – Рубцов попал в новую скандальную историю. И опять в ЦДЛ. Ситуация выглядела следующим образом. Наш герой и двое его однокурсников отдыхали в ресторане Дома литераторов. Время уже подходило к закрытию, но друзья не собирались закругляться. Они подозвали к своему столику официантку и заказали еще одну бутылку водки. Однако официантка

им отказала, объяснив, что водка кончилась. «Тогда принесите вино», – попросили ее студенты. «И вино тоже кончилось!» – отрезала официантка. И в тот же момент ее окликнули с другого столика и тоже попросили спиртного. И тут друзья-студенты увидели, как изменилась их собеседница. Она вдруг расплылась в подобострастной улыбке и буквально бегом отправилась выполнять заказ клиентов. Вскоре на их столе появился заветный графин с водкой. Судя по всему, именно этот эпизод и вывел из себя подвыпившего Рубцова. Когда официантка вновь подошла к их столику, чтобы сообщить, что ресторан закрывается, он заявил: «Столик мы вам не оплатим, пока вы не принесете нам водки!» Официантка тут же побежала жаловаться метрдотелю. А тот не нашел ничего лучшего, как вызвать милицию. Всю троицу под руки выпроводили из ресторана. Самое удивительное, до отделения милиции довели только одного Рубцова (по дороге двое его приятелей куда-то «испарились»). В результате он стал «козлом отпущения» и 26 июня появился приказ о его отчислении из института.

Можно только поражаться тому дьявольскому невезению, которое сопровождало поэта почти в большинстве подобного рода случаев. Будто магнитом он притягивал к себе неприятности и всегда оказывался в них крайним. Вот как Н. Коняев пишет об этом:

«Рубцов все время с какой-то удручающей последовательностью раздражал почти всех, с кем ему доводилось встре-

чаться. Он раздражал одноглазого коменданта, прозванного Циклопом, раздражал официанток и продавцов, преподавателей института и многих своих товарищей. Раздражало в Рубцове несоответствие его простоватой внешности тому сложному духовному миру, который он нес в себе. Раздражение в общем-то понятное. Эти люди ничего бы не имели против, если бы Рубцов по-прежнему служил на кораблях Северного флота, вкалывал бы на заводе у станка или работал в колхозе. Это, по их мнению, и было его место. А Рубцов околачивался в стольном граде, учился в довольно-таки престижном институте, захаживал даже, ну посудите сами, разве это не безобразие?! в святая святых – ЦДЛ...»

Как это ни странно, но после отчисления из института Рубцов не впал в уныние и даже, по мнению видевших его тогда людей, выглядел вполне благополучно. Этому было несколько объяснений. Во-первых, его личная жизнь складывалась тогда вполне удачно. Например, летом он прекрасно провел время с женой и дочкой в деревне Никольское Вологодской области (там, где он окончил когда-то начальную школу). Во-вторых, в журналах «Юность» и «Молодая гвардия» появились первые крупные подборки его стихов. А это было не только моральной поддержкой молодому поэту, но и материальной.

К сожалению, относительное благополучие поэта длилось всего месяца три. Осенью деньги, заработанные от публикаций, иссякли, и Рубцову пришлось довольствоваться копе-

ечными гонорарами из газеты «Ленинское знамя», в которой иногда печатались его стихи. А затем случилась новая неприятность. Так как Рубцов нигде не работал, местное сельское руководство объявило его тунеядцем и вывесило его портрет в сельпо. Отмечу, что именно в этот период были написаны стихи (около пятидесяти), большая часть из которых затем войдет в сокровищницу отечественной поэзии.

В январе 1965 года Рубцов вновь вернулся в Москву и благодаря стараниям своих друзей сумел восстановиться на заочном отделении Литературного института. Однако прописки в столице у него не было, поэтому ему приходилось скитаться по разным углам, вплоть до скамеек на вокзалах. А в апреле 1965 года последовал новый скандал.

17 апреля Николай пришел в общежитие института, надеясь, что его пустят переночевать. Но его не пустили. Тогда Рубцов поймал такси в 17-м проезде Марьиной Рощи и попросил отвезти его на одну из улиц города, где жил его друг. Доехав до пункта назначения, Николай отдал водителю (кстати, это была женщина) три рубля, надеясь получить с них сдачу, так как счетчик набил всего лишь 64 копейки. Однако водитель давать ему сдачу отказалась. И тогда поэт потребовал везти его к первому постовому милиционеру. Видимо, у него он думал найти справедливость. Но все получилось наоборот. Милиционер поверил не ему, а женщине-водителю, забрал его в отделение, и там был составлен соответствующий протокол. Через день он уже лежал на сто-

ле у ректора Литературного института. Так поэт в очередной раз лишился студенческого билета.

Тем временем дала трещину и его семейная жизнь. Во многом этому способствовала его теща, которая теперь жила вместе с дочерью и внучкой в селе Никольское. Каждый раз, когда Николай возвращался из Москвы в деревню, теща не давала ему прохода, ругала его за тунеядство, пьянство. Вскоре она перетянула на свою сторону и дочь. Когда жить с ними стало для Рубцова совсем невозможно, он уехал куда глаза глядят.

В течение последующих двух лет Рубцов побывал во многих местах страны, даже какое-то время жил в Сибири. Осенью 1967 года свет увидела еще одна книга его стихов, «Звезда полей», которая принесла ему большую известность. В следующем году его наконец-то приняли в Союз писателей и даже выделили комнату в рабочем общежитии на улице 9-й Армии в Вологде. В 1969 году он окончил Литературный институт и получил на руки диплом. В сентябре того же года его зачислили в штат работников газеты «Вологодский комсомолец». И в довершение всего дали ему однокомнатную квартиру в хрущобе на улице Александра Яшина. (Отмечу, что переезжал туда Николай, имея на руках всего лишь потрепанный чемодан и томик Тютчева.) Казалось, что жизнь поэта постепенно налаживается и впереди его ждут только радости. Ведь сколько он уже натерпелся. Однако...

В 1969 году рядом с Рубцовым возникла женщина, кото-

рой суждено будет сыграть в его судьбе роковую роль. Звали ее Людмила Дербина (она родилась в 1938 году). 2 мая 1962 года они встретились в компании в стенах общежития Литературного института (их познакомила поэтесса Вера Бояринова). Однако тогда это было всего лишь мимолетное знакомство. Рубцов, носивший тогда пыльный берет и старенькое вытертое пальто, произвел на девушку отталкивающее впечатление. Но уже через четыре года после этого, прочитав книгу его стихов «Звезда полей», Дербина внезапно почувствовала к поэту сильное влечение. К тому времени за ее плечами уже был опыт неудачного замужества, рождение дочери. Зная о том, что и Рубцов в личной жизни тоже не устроен, она вдруг решила познакомиться с ним поближе. 23 июня 1969 года она приехала в Вологду, и здесь вскоре начался их роман. Завершился он тем, что в августе того же года Дербина переехала с дочерью в деревню Троица, в двух километрах от Вологды, и устроилась на работу библиотекарем. Позднее она вспоминала:

«Я хотела сделать его жизнь более-менее человеческой... Хотела упорядочить его быт, внести хоть какой-то уют. Он был поэт, а спал, как последний босьяк. У него не было ни одной подушки, была одна прожженная простыня, прожженное рваное одеяло. У него не было белья, ел он прямо из кастрюли. Почти всю посуду, которую я привезла, он разбил. Купила я ему как-то куртку, замшевую, на молнии. Через месяц спрашиваю – где? Он так спокойно: «А-а, подарил,

понравилась тут одному».

Все восхищались его стихами, а как человек он был никому не нужен. Его собратья по перу относились к нему снисходительно, даже с насмешкой, уж не говоря о том, что равнодушно. От этого мне еще более было его жаль. Он мне говорил иногда: «Люда, ты знай, что если между нами будет плохо, они все будут рады...»

Отношения Рубцова и Дербиной развивались неровно: они то расходились, то сходились вновь. Их как будто притягивала друг к другу какая-то невидимая сила. В январе 1971 года всем стало понятно, что это была за сила – темная, злая... «Я умру в крещенские морозы...» – напишет Рубцов в своей «Элегии». Как в воду смотрел...

5 января Дербина после очередной ссоры вновь приехала на квартиру к поэту. Они помирились и даже более того – решили пойти в загс и узаконить свои отношения официально. Там их какое-то время помуржили (у невесты не было справки о расторжении предыдущего брака), но в конце концов своего они добились: регистрацию брака назначили на 19 февраля. 18 января молодые отправились в паспортный стол, чтобы там добиться прописки Дербиной к Рубцову. Однако их ждало разочарование: женщину не прописывали, потому что не хватало площади на ее ребенка. Выйдя из жилконторы, молодые отправились в редакцию газеты «Вологодский комсомолец», однако по пути, возле ресторана «Север», внезапно встретили группу знакомых журналистов, и

Николай решил идти вместе с ними в шахматный клуб отмечать какое-то событие, а Дербина отправилась в редакцию одна. Через какое-то время она тоже пришла в шахматный клуб, где веселье было уже в самом разгаре. Вновь прибывшей налили вина, но она практически не пила, предпочитая тихо сидеть на своем месте. И здесь в какой-то момент Рубцов вдруг стал ее ревновать к сидевшему тут же журналисту Задумкину. Однако досадный эпизод удалось обернуть в шутку, и вскоре вся компания отправилась догуливать на квартиру Рубцова на улице Александра Яшина. Но там поэта вновь стала одолевать ревность, он стал буйнить, и когда успокоить его не удалось, собутыльники решили уйти подальше от греха. В комнате остались Николай и его невеста.

Л. Дербина вспоминает: «Я замкнулась в себе, гордыня обуяла меня. Я отчужденно, с нарастающим раздражением смотрела на мечущегося Рубцова, слушала его крик, грохот, исходящий от него, и впервые ощущала в себе пустоту. Это была пустота рухнувших надежд.

Какой брак?! С этим пьянчужкой?! Его не может быть!

– Гадина! Что тебе Задумкин?! – кричал Рубцов. – Он всего лишь журналистик, а я поэт! Я поэт! Он уже давно пришел домой, спит со своей женой и о тебе не вспоминает!..

Рубцов допил из стакана остатки вина и швырнул стакан в стену над моей головой. Посыпались осколки на постель и вокруг. Я молча собрала их на совок, встряхнула постель, перевернула подушки...

Рубцова раздражало, что я никак не реагирую на его буйство. Он влепил мне несколько оплеух. Нет, я их ему не простила! Но по-прежнему презрительно молчала. Он все более накалялся. Не зная, как и чем вывести меня из себя, он взял спички и, зажигая их, стал бросать в меня. Я стояла и с ненавистью смотрела на него. Все во мне закипало, в теле поднимался гул, еще немного, и я кинулась бы на него! Но я с трудом выдержала это глумление и опять молча ушла на кухню...

Где-то в четвертом часу я попыталась его уложить спать. Ничего не получилось. Он вырывался, брыкался, пнул меня в грудь... Затем он подбежал ко мне, схватил за руки и потянул к себе в постель. Я вырвалась. Он снова, заламывая мне руки, толкал меня в постель. Я снова вырвалась и стала поспешно надевать чулки, собираясь убежать.

– Я уйду.

– Нет, ты не уйдешь! Ты хочешь меня оставить в унижении, чтобы надо мной все смеялись?! Прежде я раскрою тебе череп!

Он был страшен. Стремительно пробежал к окну, оттуда рванулся в ванную. Я слышала, как он шарит под ванной, ища молоток... Надо бежать! Но я не одета! Однако животный страх кинул меня к двери. Он увидел, мгновенно выпрямился. В одной руке он держал ком белья (взял его из-под ванны). Простыня вдруг развилась и покрыла Рубцова от подбородка до ступней. «Господи, мертвец!» – мелькну-

ло у меня в сознании. Одно мгновение, и Рубцов кинулся на меня, с силой толкнул обратно в комнату, роняя на пол белье. Теряя равновесие, я схватилась за него, и мы упали. Та страшная сила, которая долго копилась во мне, вдруг вырвалась, словно лава, ринулась, как обвал... Рубцов тянулся ко мне рукой, я перехватила ее своей и сильно укусила. Другой своей рукой, вернее, двумя пальцами правой руки, большим и указательным, стала терзать его за горло. Он крикнул мне: «Люда, прости! Люда, я люблю тебя!» Вероятно, он испугался меня, вернее, той страшной силы, которую сам у меня вызвал, и этот крик был попыткой остановить меня. Вдруг неизвестно отчего рухнул стол, на котором стояли иконы, прислоненные к стене. На них мы ни разу не перекрестились, о чем я сейчас горько сожалею. Все иконы рассыпались по полу вокруг нас. Сильным толчком Рубцов откинул меня от себя и перевернулся на живот. Отброшенная, я увидела его посиневшее лицо. Испугавшись, вскочила на ноги и остолбенела на месте. Он упал ничком, уткнувшись лицом в то самое белье, которое рассыпалось по полу при нашем падении. Я стояла над ним, приросшая к полу, пораженная шоком. Все это произошло в считанные секунды. Но я не могла еще подумать, что это конец. Теперь я знаю: мои пальцы парализовали сонные артерии, его толчок был agonией. Уткнувшись лицом в белье и не получая доступа воздуха, он задохнулся...

Тихо прикрыв дверь, я спустилась по лестнице и попле-

лась в милицию. Отделение было совсем рядом, на Советской улице...».

А вот как описал эти же события в своем «Дневнике» Ю. Нагибин:

«Когда он хрипя лежал на полу, она опомнилась и выбежала на улицу. «Я убила своего мужа!» – сказала она первому встречному милиционеру. «Идите-ка спать, гражданка, – отозвался блюститель порядка. – Вы сильно выпимши». «Я убила своего мужа, поэта Рубцова», – настаивала женщина. «Добром говорю, спать идите. Не то – в вырезвитель». Неизвестно, чем бы все кончилось, но тут случился лейтенант милиции, слышавший имя Рубцова. Когда они пришли, Рубцов не успел остыть. Минут бы на пять раньше его еще можно было бы спасти...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.